

Литературоведение

Научная статья

УДК 78.083.6:821.16:930.272

DOI 10.17223/18137083/91/3

Два канта Полтавского цикла в выголексинском рукописном сборнике из собрания академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН

Татьяна Генриховна Казанцева

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

kerzak2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8316-5668>

Аннотация

Рассматриваются музыкально-поэтические тексты двух панегирических кантов эпохи Петра I в контексте старообрядческого крюкового сборника духовных стихов. Затрагиваются источниковедческий и текстологический аспекты. Основное внимание уделяется вопросам адаптации музыкальных произведений Нового времени к условиям более архаичной монодийной системы. Делается вывод о серьезной трансформации музыкальной формы кантов и в значительной мере условной фиксации ритмической составляющей их мелодий знаменной нотацией.

Ключевые слова

панегирические канты-виваты, собрание рукописей М. Н. Тихомирова, выголексинская книгописная школа, старообрядческие духовные стихи, знаменная нотация

Благодарности

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Депозитарий книжных памятников Сибири и Дальнего Востока: выявление, система цифрового хранения и организации доступа для исследования», № 122040600049-8

Для цитирования

Казанцева Т. Г. Два канта Полтавского цикла в выголексинском рукописном сборнике из собрания академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 35–51. DOI 10.17223/18137083/91/3

© Казанцева Т. Г., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 35–51
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 35–51

Two canticles of the Poltava Cycle in the Vygoleskinsky manuscript miscellany from the collection of Academician M. N. Tikhomirov housed at the SPSTL SB RAS

Tatyana G. Kazantseva

State Public Scientific Technical Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka
Novosibirsk, Russian Federation

kerzak2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8316-5668>

Abstract

A considerable body of philological and musicological literature exists concerning the thematic elements of panegyric canticles composed during the Petrine era. The reason for this paper to address the subject concerned is the discovery of two samples of this genre in an Old Believer miscellany of spiritual poems from the collection of Academician Tikhomirov (GPNTB SB RAS) written in znamennaya notation. The study aims to establish the methods for adapting the musical form of the genre of Russian New Age music to terms of a more archaic monodic musical system. The study revealed that the manuscript of spiritual poems belongs to the Vygoleskinskaya School of book writing. The composition of the miscellany is similar to the typical one, featuring three canticles dedicated to the Russian-Swedish Wars, with two being part of a series celebrating the Poltava victory. Textual analysis indicates a significant degree of consistency within the poetic text, which adheres to syllabic versification and integrates elements of modern lexicon, Church Slavonic, and Latin. Analysis of the musical text necessitated a reconstruction of the rhythmic implications of the znamennaya notation. Comparative analysis of the reconstructed and original musical texts revealed substantial alterations to the melodic, rhythmic, and compositional structures of the canticles. It is hypothesized that this transformation stemmed from the inscription of melodies that had undergone prolonged oral transmission.

Keywords

panegyric vivat-canticles, collection of manuscripts of M. N. Tikhomirov, Vygoleskinskaya manuscript school, Old Believer spiritual poems, znamennaya notation

Acknowledgments

The paper was prepared as part of the SPSTL SB RAS, project no. 122040600049-8 "The Depository of Book Monuments of Siberia and the Far East: Identification, Digital Storage System, and Organization of Access for Research"

For citation

Kazantseva T. G. Two canticles of the Poltava Cycle in the Vygoleskinsky manuscript miscellany from the collection of Academician M. N. Tikhomirov housed at the SPSTL SB RAS. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 35–51. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/3

Виватные канты, возникшие и получившие широкое распространение в эпоху Петра Великого, ранее неоднократно привлекали внимание исследователей. Впервые «Петровские канты» в составе рукописи РНБ Q.XIV, 141, а также условия их возникновения и исполнения были описаны Н. Ф. Финдейзенем [1927;

1928, с. 348–351, XLVII–LVI] ¹. В исследованиях Т. Н. Ливановой [1938, с. 222–227; 1952, с. 453–525] подробно проанализирована, в том числе с точки зрения музыкально-поэтических форм, большая группа русских кантов по списку ГИМ № 2473, включающая и образцы Полтавского цикла. Позднее к изучению данного жанра по списку РГБ 310, № 898 обращался Ю. В. Келдыш [1965, с. 19–31]. Наиболее полная публикация цикла кантов Полтавскому торжеству по той же рукописи была осуществлена В. В. Протопоповым [Музыка..., 1973].

Причиной очередного обращения к теме стало обнаружение двух музыкально-поэтических текстов, связанных с событиями Северной войны и прославляющих победы Петра I над Карлом XII, – «Радуйся, российский орле» и «Днесь орле российский» – в старообрядческой поморской рукописи выголексинского письма ², хранящейся в собрании академика М. Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН (далее – Тих. № 448 ³). Сразу следует сделать оговорку, что в сборнике три панегирических канта, но только два названных непосредственно относятся к Полтавскому циклу. Третий кант «Восплещи, воспой Россия» написан на приезд в Новгород великого князя Павла Петровича и, очевидно, отражает события другой русско-шведской войны – 1788–1790 гг. Как отмечает М. Ю. Люстров, «в некоторых русских текстах XVIII в. все русско-шведские войны изображались как единая победоносная компания» [Люстров, 2008, с. 104]. Любопытно, что с заглавием «Псалма по победе швецкой» данный текст фигурирует не только в сборнике Тих. № 448, но и в ряде других поморских рукописей. Показательно также, что в старообрядческом журнале «Щит веры» за 1913 г. опубликована именно эта триада кантов.

Включение в старообрядческий сборник духовных стихов образцов чуждого панегирического жанра, посвященных императору, отношение к которому в поморской среде было отнюдь не однозначным, порождает ряд вопросов, лежащих в разных плоскостях. Один из наиболее интересных для исследователя обусловлен переходом музыкально-поэтических форм кантов, сформированных культурой Нового времени, из аутентичной стилистической сферы (трехголосная фактура, пятилинейная нотация) в более архаичную (моноподийный склад, невменная запись) и сводится к определению степени сохранности в результате такого перехода их исходных поэтической, мелодико-ритмической и композиционной характеристик ⁴. Однако, прежде чем обратиться к освещению данного вопроса, следует дать представление о самом сборнике, т. е. о контексте, в который оказались включенными интересующие нас тексты.

¹ В статье не рассматривается история изучения данного жанра филологами, см. об этом: [Перетц, 1900; Позднеев, 1996; Бейли, 2004] и др.

² Музыкально-палеографическая характеристика певческих рукописей выголексинского письма дана в трудах Ф. В. Панченко [Певческие книги..., 2001; Панченко, 2002; 2017]. Ею же в научный оборот введены сборники духовных стихов, проанализированы образцы выговского творчества [Панченко, 2002, с. 151–178]; некоторые стихи по списку ИРЛИ собр. Перетца, № 513 в переводе на пятилинейную нотацию опубликованы в: [Писания выговцев..., 2004, с. 281–349].

³ Полное музыкально-палеографическое описание рукописи Тих. № 448 см.: [Казанцева, 2019, с. 265–270]. Рукопись также была объектом исследования в статье Б. А. Шиндина [2015].

⁴ Проблема адаптации музыкально-поэтических форм русских кантов к условиям старообрядческой духовной лирики до настоящего времени является фактически неизученной областью, один из редких музыковедческих опытов представлен в статье Т. И. Калужниковой [2020].

Согласно исследованиям Ф. В. Панченко, состав выголексинских сборников духовных стихов не является стабильным, однако в них представлен определенный круг текстов, а также обнаруживается тенденция к объединению стихов по тематическому принципу. Исследователь выделяет следующие группы стихов, входящих в «типовые сборники»: «стихи о пустыни, стихи о выговских отцах, покаянные стихи на 8 гласов» [Панченко, 2002, с. 152].

Сборник Тих. № 448 содержит 45 стихов, которые делятся на несколько компактных групп: молитвы, плачи и притчи; стихи и псалмы на двенадцатые праздники; стихи о пустыни; стихи и плачи о выговских отцах; стихи условно исторические и назидательные; стихи «умиленные». Этот состав близок к типовому: его особенностями следует назвать отсутствие блока гласовых покаянных стихов и, напротив, наличие большой группы псалм на двенадцатые праздники. Разделы стихов о пустыни и о выговских киновиархах сохраняются как некая содержательная константа, стабильное ядро поморских рукописных сборников духовной лирики. Канты петровского цикла расположены ближе к концу сборника, за ними следуют только два стиха, посвященные выговским киновиархам, видимо, случайно пропущенные в соответствующем разделе.

Изучение состава рукописных выголексинских нотированных и ненотированных Стиховников показывает, что канты Полтавского цикла являются довольно редкими в их репертуаре. Из 21-й описанной Ф. В. Панченко рукописи этого вида они встречаются только в трех (близких по времени к сборнику Тих. № 448)⁵ и преимущественно представлены одним, реже двумя стихами из названной триады [Певческие книги..., 2001, с. 395, 399, 401]⁶. Других образцов петровских кантов в известных крюковых поморских рукописях не обнаружено.

Поэтика и языковая стилистика вербальных текстов

Стихи, размещенные в сборнике, обладают всеми признаками кантовой поэзии (см. об этом: [Позднеев, 1996, с. 147–159]). Они носят преимущественно панегирический характер и написаны по классическим законам риторики. В канте «Днесь орле российский» присутствует элемент условного повествования, обрисовывающего ситуацию неоправдавшихся надежд Карла XII на завоевание России. Оба текста в той или иной мере включают фрагменты прямой речи противника: *Рече бо зверь лютый: «поицху Россию»; Понеже лев швецкий: «увы мне», – рыдает* (см. тексты в табл. 1 и 2).

В текстах кантов широко используются *τόπος κοινός* – общие эпитеты, метафоры, словесные формулы. Основными «персонажами» являются *двоеглавый / российский орел* и *швецкий лев* – геральдические символы Петра I и Карла XII. В поэтическом языке стихов особым образом соединяются славянизмы, латинизмы, слова русского языка XVIII в., иностранные заимствования.

Традиции православной гимнографии проявляются в обилии слов церковнославянского языка и аллюзиях на псалмы (*Зубы и челюсти его сокрушивый* – Пс. 57:7; *Наляцы успеый и царствуй на веки* – Пс. 44:5; *Господь ей помощник, тебе не боится* – Пс. 117:6); использовании прилагательных в превосходной сте-

⁵ БАН Друж. № 901 (956) (1820-е гг.); Друж. № 295 (341); Калик. № 20 (вторая четверть XIX в.).

⁶ Кант «Восплещи, воспой Россия» зафиксирован в рукописях БАН Друж. № 42 (63) (конец XVIII – начало XIX в.); Лукьян. № 189 (первая половина XIX в.) и Калик. № 20, наряду с кантом «Радуйся, российский орле» [Певческие книги..., 2001, с. 390, 402, 401].

пени (*воини преславни*); двусловных слов (*двоеглавный*), звательного падежа (*орле, наш монархо*), славянских грамматических конструкций (*Убо ныне зрите яже ся хваляху*) и т. п.

Часто церковнославянизмы смело сочетаются со словами нововременного русского языка, создавая особый полистилистический эффект: *Оны ся хваляху грады разорити / но мы их заставим, чтоб их укрепити*. Подобная диглоссия, применяемая неоднократно, является устойчивым художественным приемом.

Этот же полиязычный прием используется в славильных формулах, «играющих» славянским *радуйся* (по сути, греческим хайретизмом), латинскими *виват, вивиум*, русским троекратным *здравствуй*.

Оба стиха являются образцами силлабической поэзии, написаны 12-сложником с постоянной цезурой после шестого слога: 6 + 6. Единственное исключение – 12-я строка канта «Радуйся, российский орле», являющаяся 11-сложником (6 + 5). В стихе «Радуйся, российский орле» 16 строк, в стихе «Днесь орле российский» – 32; рифмовка соединяет смежные строки. С учетом этих показателей строфа может быть трактована и как двустушие (aa), и как четырехстишие (aabb). Далее при анализе поэтического текста удобнее рассматривать тип строфы как двустушие.

Установление степени точности воспроизведения в рукописи Тих. № 448 исходных текстов кантов требует отдельной текстологической работы с привлечением большого числа списков. Такая работа не входит в задачи нашего исследования, поэтому ограничимся сравнением поэтических текстов из сборника Тих. № 448 с доступными опубликованными их версиями, а также списками, на основе которых сделаны публикации. Напомним, что текст «Днесь орле российский» издан во втором томе Памятников русского музыкального искусства [Музыка..., 1973, с. 42–43] по рукописи РГБ 310, № 898 (л. 42 об. – 43), где он зафиксирован киевской квадратной нотой; кант «Радуйся, российский орле» в этом сборнике отсутствует, но его первая строфа (в переводе на современную круглую ноту) приведена в примечаниях к изданию [Там же, с. 205] по списку того же собрания (РГБ 310, № 899, л. 55 об. – 56), а его полный поэтический текст обнаруживается в статье американского стиховеда Дж. Бейли [2004, с. 76].

Приведем опубликованные тексты кантов и их версии в рукописи Тих. № 448 в виде текстологических таблиц (см. табл. 1 и 2, разночтения выделены курсивом). При сравнении двух текстов следует иметь в виду, что нотолинейный вариант нет оснований называть протографом для поморского крюкового сборника, но, учитывая тот факт, что время создания нотолинейной рукописи РГБ 310, № 898 фактически совпадает со временем сочинения записанных в ней кантов (период от 1702 до 1730-х гг. [Музыка..., 1973, с. 7]), зафиксированную в ней версию всё же можно назвать условно исходной.

Согласно табл. 1, в поэтическом тексте канта «Днесь орле российский» разночтения незначительны. Преимущественно они касаются словоформ: нововременной вариант заменен на более архаичный (*иже бо кровь свою / иже крови своя; иже бо есть / иже есте*) и наоборот (*не дармо / не даром*), изменены число (*во граде / во градех*), тип прилагательного (*твоя / своя*), часть речи (*преславно / преславной; вопиет / вопия*). Более существенным выглядит разночтение в 14-й строфе: *лва люта / лва швецка*.

Таблица 1

Сравнительная таблица вариантов вербальных текстов
канта «Днесь орле российский»

Table 1

A comparison of the verbal text variations
of the canticle “Dnes’ orle rossiyskiy”

РГБ, 310 № 898, л. 42 об. – 43	Тих. 448, л. 295 – 299 об.
¹ Днесь, орле российский, простри своя криле, Восприими воинов мужественных в силе,	¹ Днесь орле российский простри своя криле, Восприими воинов мужественных в силе
² Иже <i>бо кровь свою</i> за тя излияша, Служащих лву швецку <i>всех</i> смерти предаша.	² Иже <i>крови своя</i> за тя излияша, Служащих лву швецку <i>тех</i> смерти пре- даша.
³ Грома твоего ныне во вселенней Устраши лва горда, что есть всем яв- ленне.	³ Глас грома твоего ныне во вселенней Устраши лва горда, что есть всем яв- ленне.
⁴ Громогласным шумом орла двоеглавна Шведская сотресея <i>армия</i> преславна.	⁴ Громогласным шумом орла двоеглавна Шведская сотресея <i>армия</i> преславна.
⁵ Рече бо зверь лютии похищу Россию, Рукою моею аз разорю сию.	⁵ Рече бо зверь лютии похищу Россию, Рукою моею аз разорю сию.
⁶ И во <i>граде</i> ея аз господствовати Якоже восхотех буду обладати.	⁶ И во <i>градех</i> ея аз господствовати Якоже восхотех буду обладати.
⁷ Но всуе прегорде такося хвалиши, России <i>преславно</i> зла не сотвориши.	⁷ Но всуе прегорде такося хвалиши, России <i>преславной</i> зла не сотвориши.
⁸ Господь ей помощник, тебе не боится, Что ей обещаешь <i>тебе</i> пригодится.	⁸ Господь ей помощник, тебе не боится, Что ей обещаешь <i>себе</i> пригодится.
⁹ Убо ныне зрите <i>такося</i> хваляху, <i>Ибо внутрь</i> России зимовать хотяху.	⁹ Убо ныне зрите <i>яже ся</i> хваляху, <i>И во внутрь</i> России зимовать хотяху.
¹⁰ Се ныне придоша хотя зимовати, Везде на <i>болбарках</i> будут работати.	¹⁰ Се ныне придоша хотя зимовати, Везде на <i>бугорках</i> будут работати.
¹¹ Зде бо их <i>не дармо</i> на Руси кормити, Во градех им наших тебе погостити.	¹¹ Зде бо их <i>недаром</i> на Руси кормити, Во градех им наших тебе погостити.
¹² Оны ся хваляху грады разорити, Но мы их заставим, <i>что</i> их укрепити.	¹² Оны ся хваляху грады разорити, Но мы их заставим, <i>чтоб</i> их укрепити.
¹³ Вы же россиястии воины преславни, Иже <i>бо есть</i> ныне всему миру явны.	¹³ Вы же россиястии воины преславни, Иже <i>есте</i> ныне всему миру явны.
¹⁴ Слава ваша ныне везде распростресея, Вами бо <i>лва люта</i> гордыня сотресея.	¹⁴ Слава ваша ныне везде распростресея, Вами бо <i>лва швецка</i> гордыня сотресея.
¹⁵ Мы днесь торжествуем, той <i>стене</i> рыдая. «Люте мне», <i>вопиет</i> , смерти си желая.	¹⁵ Мы днесь торжествуем, той <i>стонет</i> рыдая. «Люте мне» <i>вопия</i> , смерти си желая.
¹⁶ Рцем вси велегласно, вопием соглас- но: Наш <i>монарха</i> , <i>виват</i> , <i>виват</i> , <i>виват</i> , <i>виват</i> !	¹⁶ Рцем вси велегласно, вопием соглас- но: Наш <i>монархо</i> , <i>здравствуй!</i> <i>Здравствуй</i> , <i>здравствуй</i> , <i>здравствуй!</i>

Сравнительная таблица вариантов вербальных текстов
канта «Радуйся, российский орле»

Таблица 2

Table 2

A comparison of the verbal text variations
of the canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

РГБ, 310 № 899, л. 55 об. – 56	Тих. 448, л. 293–295
¹ Радуйся, российский орле двоеглав- ный, Ты бо еси ныне во всем мире славный.	¹ Радуйся, российский орле двоеглав- ный, Ты бо еси ныне во всем мире славный.
² Слава твоя ныне <i>во всем</i> процветает, Понеже лев швецкий «увы мне» рыда- ет.	² Слава твоя ныне <i>везде</i> процветает, Понеже лев швецкий «увы мне» рыда- ет.
³ Ярящаяся <i>на нас</i> славно победивый, Зубы и челюсти его сокрушивый.	³ Ярящаяся <i>ныне</i> славно победивый, Зубы и челюсти его сокрушивый.
⁴ Покоривый сего под <i>царски</i> си нозе, <i>И будеши иных</i> побеждать о бозе.	⁴ Покоривый сего под <i>царский</i> си нозе, <i>Будеши иныя</i> побеждать о бозе.
⁵ Радуйтесь ныне, вси ту <i>предстоящи</i> , «Виват, наш монархо!», весело <i>глася- ще</i> .	
⁶ Мы тебе за сие «радуйся» приносим, А <i>благоденствия</i> у Бога просим.	
⁷ Наляцы успевай и царствуй на веки, Прославляй свой скипетр между чело- веки.	⁵ Наляцы успевай и царствуй на веки, Прославляй свой скипетр между чело- веки.
	⁶ Мы же <i>ти</i> за сие «радуйся» приносим, А <i>долгоденствия</i> у Бога просим.
	⁷ Радуйтесь ныне вси ту <i>предстоящий</i> , «Виват, наш монархо», весело <i>глася- щий</i> .
⁸ Вышши воевода от горнего света: <i>Рцем вои, да подаст тебе * Господь много лета!</i>	⁸ <i>Виват, виват, виват, ал бене виват, Вивиум, вивиум, ал бене вивиум.</i>

* В РГБ, 310 № 899 *ти*.

Особо отметим стремление переписчика прояснить смысл той или иной строки, например, фраза *той стене рыдая* в строфе 15 заменена на соответствующую по смыслу *той стонет, рыдая*. Более интересная замена произошла во второй строке строфы 10: *везде на болбарках будут работати / везде на бугорках будут работати*. Под «болбарками», видимо, подразумевались болверки (от голландского *bolwerk*) – крепостные укрепления, бастионы. В текстах XVIII в. этот иностранный термин имел неустойчивое написание: болверк, болварк, болворк, болворок, болверок⁷. Логично предположить, что у переписчиков данного текста возникали трудности с пониманием этого слова, и в определенный момент один

⁷ Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. Вып. 2. С. 96.

из них заменил непонятное название фортификационного сооружения понятными ему «бугорками».

Замена произошла и в последней 16-й строфе: вместо латинского *vivat* использовано приветствие на русском языке – *здравствуй*. Интересно, что при такой замене в старообрядческом списке восстанавливается отсутствующая в основной версии текста (хотя и неточная) концевая рифма, а также формируется дополнительная внутренняя.

Кант «Радуйся, российский орле» (см. табл. 2) более «архаичен» по тексту, здесь в обоих вариантах преобладают церковнославянизмы, разночтения за редким исключением касаются только их словоформ. Из более существенных можно отметить замену местоимений: определительного – указательным (*во всем / везде*) и личного – наречием (*на нас / ныне*). Во второй строке 6-й строфы вместо слова *благоденствия* в списке Тих. № 448 встречается слово *долгоденствия*⁸. Запись латинских возгласов, переданных в Тих. № 448 как *ал бене виват*, вероятно, являющаяся результатом ошибочной транслитерации, в которой латинская *t* была принята за *l*.

Наиболее значительные разночтения наблюдаются в композиционной структуре канта. В рукописи РГБ 310, № 899 строфы, начинающиеся словами *Радуйтеся ныне, Мы тебе за сие и Наляцы успевай*, занимают пятую, шестую и седьмую позиции; в Сборнике Тих. № 488 они идут в обратном порядке. Наконец, 8-я заключительная строфа содержит в двух версиях полностью различный текст.

Полагаем, что именно последний факт повлек за собой перестановку строф. В первом случае к заключительному многолетию логично подводит содержание второго славильного раздела канта, начало которого обозначено хайретизмом в строфе 5. Далее в каждой последующей строфе так или иначе обозначена идея прославления Петра прежде всего как монарха и военачальника (*царствуй, скипетр, воевода*). В варианте рукописи Тих. № 448 собственно славильный раздел составляют только последние две строфы, содержащие виватные формулы и представляющие собой прямую речь, непосредственно адресованную Петру I.

В результате текст канта в двух редакциях облекается в совершенно разные формы. В опубликованной версии выделяются две одинаковых макрострофы, каждая из которых начинается хайретизмом и сочетает славильные формулы и элементы нарратива. Форму варианта, представленного в списке Тих. № 448, можно определить как трехчастную, в которой первый и заключительный разделы, состоящие из двух малых строф и открывающиеся хайретизмом, концентрируют панегирическую лексику, тогда как в четырехстрофном среднем разделе славильная фразеология дополняется повествовательным элементом. Таким образом, в поморской рукописи зафиксирована *редакция* исходного текста, представляющая собой индивидуальное решение панегирической темы.

Размер стихов и рифмы полностью сохранены. Исключением является предпоследняя строка канта «Радуйся, российский орле», в версии рукописи Тих. № 448 она стала также 11-сложной, как и 12-я в условно исходном тексте.

⁸ Обращение к списку РГБ 310, № 899 выявило ошибку публикаторов А. В. Позднеева и Дж. Бейли (в рукописи – *долгоденствия*).

Трансформация музыкального текста

Сравнительный анализ вербального текста кантов из Сборника Тих. № 448 с условными «исходными» версиями в целом показал достаточно высокую степень их соответствия. Музыкальный текст, помимо того что канты утратили свой трехголосный склад, претерпел гораздо более существенные изменения. Но прежде, чем давать характеристику этим трансформациям, следует решить вопрос о ритмических значениях знамен, которыми записаны мелодии кантов.

Для записи напева в рукописи Тих. № 448 используется ограниченный набор знаков. Это преимущественно единогласостепенные знаки – *крюк, запятая, стопица с отсечками и крюки с оттяжками*; в канте «Радуйся, российский орле» последними фиксируются концы мелостроков (см., например, рис. 1, слоги (*россий*)-ский, (*двоегла*)-вный, (*сла*)-вный). Любопытно, что после четвертой мелострофы вместо *крюков с оттяжкой* стоят *статья* и *крыж*, а затем *крыж* появляется в конце произведения. Тем самым подчеркивается двухчастность формы – наличие двух макростроф, – имеющаяся в опубликованном варианте вербального текста, но противоречащая нашим наблюдениям относительно структуры поэтического текста в версии Сборника Тих. № 448.

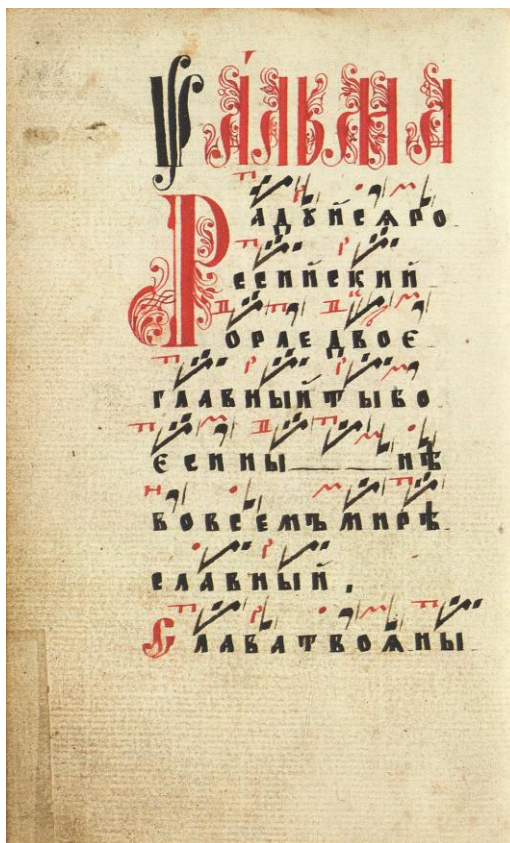

Рис. 1. Кант «Радуйся, российский орле» (л. 292 об.)

Fig. 1. Canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

В канте «Днесь орле российский» в функции конечных знаков выступают *стрелы простые* и *статьи*, а для записи долгих звуков внутри мелострок использована *статья с запятой*. Помимо единогогласостепенных знамен для записи небольших слогораспевов используются знаки *подчасия* (кант «Днесь орле российский») и *два в челну* («Радуйся, российский орле»). При этом последний имеет не вполне традиционное начертание: помимо *отсечки* в некоторых мелострофах под ним подписана еще и *борзая помета* (см. рис. 1, слог *дво-(е)главный*)).

В результате перевода крюков на пятилинейную нотацию с сохранением их ритмического значения возникают варианты напевов, приведенные в нотных примерах на рис. 2 и 3.

Рис. 2. Познаковая расшифровка первой строфы канта «Радуйся, российский орле»

Fig. 2. A sign-by-sign decoding of the first stanza of canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

Рис. 3. Познаковая расшифровка первой строфы канта «Днесь орле российский»

Fig. 3. A sign-by-sign decoding of the first stanza of canticle “Dnes’ orle rossiyskiy”

Данные примеры демонстрируют некорректность приема прямого «азбучного» прочтения ритмических характеристик крюковой записи. Во-первых, в такой расшифровке присутствуют только четвертные (краткие) и целые (свехдолгие) дли-

тельности и полностью отсутствуют половинные, которые являются основной времяизмерительной единицей в образцах, записанных знаменной нотацией. Сам по себе ритмический рисунок, построенный исключительно на резком противопоставлении длительностей, находящихся в соотношении 1 : 4, не свойственен кантовой стилистике (да и музыке того времени в целом).

Во-вторых, при подсчете временных единиц (при счетной единице, равной четверти) фразы в мелострофах не совпадают по объему, а в некоторых случаях выражены нечетным числом. Так, временная организация строф канта «Радуйся, российский орле» выглядит как $12 + 14 / 11 + 12$; канта «Днесь орле российский» – $12 + 12 / 14 + 12 / 12 + 13 / 12 + 13$.

Обращает на себя внимание противоречащее логике музыкальной композиции несовпадение на две счетные единицы временного объема двух во всем остальном абсолютно одинаковых фраз первой и второй мелострофы канта «Днесь орле российский»: две четверти (обусловленные дроблением слога *-ский*) в конце первой приравниваются целой длительности (на слог *-нов*) – во второй. Это заставляет предполагать, что либо *стрелами*, *статьями* и *крюками с оттяжкой* обозначены половинные длительности, либо знамена с *отсечками* сохраняет свое значение половинных. Однако после приведения долгих и кратких к соотношению 1 : 2 временное неравенство фраз не преодолевается, как и не исчезают строки с нечетным числом временных единиц: $10 + 8 / 10 + 8 / 8 + 9 / 8 + 9$.

В-третьих, в первой, третьей, шестой и восьмой фразах мелострофы того же канта возникают ритмические фигуры, сходные с явлением внутренней синкопы, что также не характерно для музыкальной стилистики кантов: $2 + 1 + 2 + 2 + 1 + 2$ (фразы 1 и 3); $2 + 1 + 1 + 1 + 2 + 2$ (фразы 6 и 8).

Таким образом, запись ритмических структур напева канта дает указания только на относительно более краткие или более долгие длительности, но не отражает их конкретного временного объема; один и тот же знак может означать две длительности, различающиеся вдвое; невменная запись также оказалась неспособной зафиксировать более сложные ритмические рисунки, чем чередования кратких и долгих.

Уточнение ритмического значения знаков знаменной нотации в Сборнике Тих. № 488 может быть осуществлено при их сравнении с трехголосными нотолинейными версиями кантов (рис. 4 и 5)⁹.

Осуществление такого сравнения затрудняется тем, что версии напева в трехголосной и монодийной фактуре существенно различаются. Тем не менее сохранение границ композиционных структур и сходство принципа чередования долгих и кратких длительностей позволяет нам на основе исходных слогоритмических формул каждого мелодического сегмента реконструировать реальные ритмоформулы, которые кроются за их невменной записью (рис. 6 и 7). В результате произведенных уточнений исчезло временное неравенство сегментов, в формулах прояснился регулярный двудольный метр (условно 4/2), исчезли «синкопы», ритмический рисунок приобрел характеристики, типичные для кантовой стилистики.

Уточнение слогоритмической организации напевов позволяет перейти к сравнению исходных и производных вариантов на уровнях музыкальной композиции и собственно мелодики.

⁹ Трехголосные варианты анализируемых кантов приводятся по: [Музыка..., 1973, с. 42–43, 205].

Оба канта в оригинале имеют индивидуальное композиционное решение. Строфа канта «Днесь орле российский» построена довольно просто: $ab/ab//cd/cd$ (см. рис. 5). Организация строфы канта «Радуйся, российский орле» более изыскана: $ab/bc//dd^1/ef$ (см. рис. 4).

Степень сложности композиционной организации строф, в свою очередь, влияет на сохранность их структур при переходе к монодийному варианту. В первом случае композиционная структура полностью сохраняется (см. рис. 7), во втором – значительно переосмысливается: до четырех сокращается число составляющих ее оригинальных мелодических формул; их последовательность обрывает сквозную композицию: ab/cd (см. рис. 6).

В результате строфа из четырехстрочной превращается в двустрочную. Далее, вследствие мелодического сходства между сегментами первой мелостроки и размывания цезуры между концом первого и началом второго сегментов второй строки (за счет ритмической однородности и мелодического движения в виде обращенной волны) формируется композиция, напоминающая бар-форму: aa^1/B .

а б

С А Т В

Ра_ дуй_ ся рос_ сий_ ский ор_ ле_ дво_ е_ глав_ ный,

б в

и_ бо е_ си_ ны_ не во всем ми_ ре слав_ ный,

с

д д'

сла_ ва тво_ я ны_ не вез_ де про_ цве_ та_ ет,

е ф

по_ не_ же лев_ шве_ цкий "у_ вы мне" ры_ да_ ет.

Рис. 4. Кант «Радуйся, российский орле» в оригинальной фактуре
Fig. 4. The canticle "Raduysya, rossiyskiy orle" in the original texture

С
А
Днесь ор_ ле рос_ сий_ ский про_ стри сво_ я кри_ ле,
Т
В

а б

во_ сприй_ ми во_ и_ нов му_ же_ ствен_ ных в си_ ле.

а б

И_ же бо кровь сво_ ю за_ тя из_ ли_ я_ ша,

с д

слу_ жа_ щих лву шве_ цку сме_ рти всех пре_ да_ ша.

с д

Рис. 5. Кант «Днесь орле российский» в оригинальной фактуре
Fig. 5. The canticle “Dnes’ orle rossiyskiy” in the original texture

а (сегмент 1) б (сегмент 2)

Ра_ дуй_ ся, ро_ ссий_ ский, о_ рле дво_ е_ гла_ вный,

с (сегмент 3) д (сегмент 4)

Ты бо е_ си_ ны_ не во_ всем ми_ ре сла_ вный.

Рис. 6. Реконструкция ритмической структуры напева канта «Радуйся, российский орле»
Fig. 6. A reconstruction of the rhythmic structure of the tune canticle “Raduysya, rossiyskiy orle”

Рис. 7. Реконструкция ритмической структуры напева канта «Днесъ орле российский»
Fig. 7. A reconstruction of the rhythmic structure of the tune canticle “Dnes’ orle rossiyskiy”

Как следствие, значительно меняются и ладомелодические характеристики этого канта (ср.: рис. 4 и 6). Так, сегмент 1 в монодийной версии фактически совпадает с верхним голосом формулы *a* в трехголосной фактуре, но далее появляется довольно самостоятельная мелодическая версия, производная от многоголосной: сегмент 2 представляет собой вариант формулы *b* трехголосного оригинала, окончание сегмента 3 воспроизводит контуры формулы *c*, а заключительный сегмент 4 повторяет восходящее движение баса в формулах *c*, *d*¹ и связке между формулами *e* и *f*.

Ладовые отношения становятся полностью монодийными: V и III ступени условного C-dur, к которому относится трехголосный образец, становятся опорными ступенями двух обиходных ладов – *g* малого и *e* укосненного.

Контуры мелодики канта «Днесъ орле российский» сохранились в большей мере, однако их ладовая основа оказалась не вполне определенной. Так, в исходной трехголосной версии кант записан в тональности C-dur, эта ладотональная основа четко выражена в гармоническом плане фактуры (см. рис. 5). В одноголосном варианте представлен верхний голос оригинала, но отдельные его формулы транспонированы вверх на разные интервалы: формула *a* на м.2, остальные – на б.3 (ср. рис. 5 и 7). С учетом того, что в крюковой записи отсутствует возможность выставления ключевых знаков и предполагается структура обиходного звукоряда с верхним си-бемолем, модальный план данной версии выйдет как чередование опорных тонов: *e-g-e-g-f-g-f-g*. За ними угадываются мерцания переменного *d-F* и натурального *g*. Адекватно ли записан напев – сказать трудно, но эта мелодическая версия звучит вполне органично.

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что при заимствовании старообрядческой исполнительской и рукописной традицией произведений, порожденных культурой

Нового времени, их музыкально-поэтические формы оказались переосмысленными. При этом поэтическая и музыкальная составляющая трансформировались в разной степени. Если в поэтическом тексте наблюдаются единичные перестановки строк и редкие лексические замены, то в музыкальном тексте изменился не только склад, но ладомелодические, ритмические, композиционные параметры, сформировались вполне оригинальные мелодические версии, в которых исходный образец обнаруживается только в результате применения к нему определенных аналитических процедур. Это заставляет предположить, что вербальные тексты переписывались с протографа, возможно, непосредственно с нотолинейной рукописи. Напротив, музыкальный текст воспроизводился на слух, по памяти. Возникшая в результате внутреннего «диктанта» запись напева оказалась в значительной степени условной, не отражающей всех деталей напева, который, видимо, в действительности продолжал передаваться изустно.

Список литературы

- Бейли Дж. Стихосложение русского «канта» с конца XVII в. до середины XVIII в. // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М.: ЯСК, 2004. С. 53–103.
- Казанцева Т. Г. Описание певческих рукописей из собрания академика М. Н. Тихомирова. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2019. 443 с.
- Калужникова Т. И. Кантовый след в духовных стихах уральских старообрядцев // Вопросы этномузыкознания. 2020. № 1 (16). С. 139–149.
- Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII в. М.: Наука, 1965. 464 с.
- Ливанова Т. Н. Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. М.: Искусство, 1938. Вып. 1. 360 с.
- Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. М.: Музгиз, 1952. Т. 1. 536 с.
- Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Знак, 2008. Сб. 13. С. 13–272.
- Музыка на Полтавскую победу: Для пения (соло, хор) без сопровожд. / Сост., публ., исслед., коммент. и предисл. Вл. Протопопова. М.: Музыка, 1973. 254 с. (Памятники русского музыкального искусства. Вып. 2)
- Панченко Ф. В. Рукописное наследие выговских мастеровпевцев: история, традиция, творчество: Дис. ... канд. искусствоведения / Санкт-Петерб. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. СПб., 2002. 310 с. (На правах рукописи)
- Панченко Ф. В. Певческие книги старообрядческой поморской традиции (XVIII–XX вв.): Учеб. пособие. СПб.: Скифия-принт, 2017. 195 с.
- Певческие книги выголексинского письма. XVIII – первая половина XIX в. / Сост. Ф. В. Панченко. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 496 с. (Описание РО Библиотеки РАН. Т. 9, вып. 1)
- Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы: В 3 т. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900. Т. 1: Из истории русской песни. 426 с.
- Писания выговцев: сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома. Каталог-инципитарий / Сост. Г. В. Маркелов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 420 с.
- Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв. (Из истории песенной силлабической поэзии). М.: Наука, 1996. 448 с.
- Финдейзен Н. Ф. Петровские канты // Изв. АН СССР. 1927. Т. 21, № 7–8. С. 667–690.

Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России. М.; Л.: Музсектор, 1928. Вып. 3: С древнейших времен до конца XVIII в. 364, LVI с.

Шиндин Б. А. Разные стихи и псалмы. Рукопись собрания М. Н. Тихомирова Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук // Проблемы музыкальной науки: Российский научный специализированный журнал. Уфа, 2015. № 1 (18). С. 74–79.

Список сокращений

БАН – Библиотека Российской академии наук
ГИМ – Государственный исторический музей
ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
РГБ – Российская государственная библиотека

References

Bailey J. Stikhoslozhenie russkogo “kanta” s kontsa 17 v. do serediny 18 v. [Versification of the Russian “canticle” since the end of the 17th century until the middle of the 18th century]. In: Bailey J. *Izbrannye stat’i po russkomu literaturnomu stikhu* [Selected articles on Russian literary verse]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, pp. 53–103.

Findeyzen N. F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii* [Essays on the history of music in Russia]. Moscow, Leningrad, Muzsektor, 1928, iss. 3: S drevneyshikh времен до kontsa 18 v. [From ancient times to the end of the 18 century], 364, LVI p.

Findeyzen N. F. Petrovskie kanty [Peter’s time canticles]. *Izv. AN SSSR*. 1927, vol. 21, no. 7–8, pp. 667–690.

Kaluzhnikova T. I. Kantovy y sled v dukhovnykh stikhakh ural’skikh staroobryadtsev [Canticles’ vestige in the spiritual verses of the Ural Old Believers]. *Voprosy etnomuzykoznaniiya*. 2020, no. 1 (16), pp. 139–149.

Kazantseva T. G. *Opisanie pevcheskikh rukopisey iz sobraniya akademika M. N. Tikhomirova* [Description of singing manuscripts from the collection of Academician M. N. Tikhomirov]. Novosibirsk, SPSTL SB RAS, 2019, 443 p.

Keldysh Yu. V. *Russkaya muzyka 18 v.* [Russian music of the 18th century]. Moscow, Nauka, 1965, 464 p.

Livanova T. N. *Ocherki i materialy po istorii russkoy muzykal’noy kul’tury* [Essays and materials on the history of Russian musical culture]. Moscow, Iskusstvo, 1938, iss. 1, 360 p.

Livanova T. N. *Russkaya muzykal’naya kul’tura 18 v. v ee svyazyakh s literaturoy, teatrom i bytom. Issledovaniya i materialy* [Russian musical culture of the XVIII century in its connections with literature, theater and everyday life. Research and materials]. Moscow, Muzgiz, 1952, vol. 1, 536 p.

Lyustrov M. Yu. Russko-shvedskie literaturnye svyazi v 17–18 vv. [Russian-Swedish Literary Relations in the 17th–18th centuries]. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of ancient Russian literature]. Moscow, Znack, 2008, coll. 13, pp. 13–272.

Muzyka na Poltavskuyu pobedu: Dlya peniya (solo, khor) bez soprovozhdeniya [Music for the Poltava victory: For singing (solo, choir) without accompaniment]. Protopopov V. I. (Comp., publ., research, comm. and foreword) Moscow, Muzyka, 1973, 254 p. (Pamyatniki russkogo muzykal’nogo iskusstva [Monuments of Russian musical art]. Iss. 2).

Panchenko F. V. *Pevcheskie knigi staroobryadcheskoy pomorskoj traditsii (18–20 vv.): Ucheb. posobie* [Singing books of the Old Believer Pomeranian tradition (18th–20th centuries): textbook]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2017, 195 p.

Panchenko F. V. *Rukopisnoe nasledie vygovskikh masteropevtsev: istoriya, traditsiya, tvorchestvo* [Manuscript heritage of the Vyg master singers: history, tradition, creativity]. Cand. of Art. sci. diss. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya gos. konservatoriya im. N. A. Rimskogo-Korsakova, 2002, 310 p. (As manuscript).

Peretz V. N. *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy: V 3-kh t.* [Historical and literary research and materials: In 3 vols.]. St. Petersburg, Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina, 1900, vol. 1: *Iz istorii russkoy pesni* [From the history of Russian song], 426 p.

Pevcheskie knigi vygolesinskogo pis'ma. 18 – pervaya polovina 19 v. [Singing books of vygolesinskoe writing. The 18th – the first half of the 19th century]. Panchenko F. V. (Comp.). St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2001, 496 p. (Opisaniya RO Biblioteki RAN [Descriptions of the RO of the Library of the RAS]. Vol. 9, iss. 1).

Pisaniya vygovtsev: Sochineniya pomorskikh staroobryadtsev v Drevlekhranilishche Pushkinskogo Doma. Katalog-intsipitariy [Writings of the Vygovtsy: Writings of the Pomeranian Old Believers in the Ancient Storage of the Pushkin House. Catalog-incipitary]. Markelov G. V. (Comp.) St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2004, 420 p.

Pozdneev A. V. *Rukopisnye pesenniki 17–18 vv. (Iz istorii pesennoy sillabicheskoy poezii)* [Handwritten songbooks of the 17th–18th centuries. (From the history of song syllabic poetry)]. Moscow, Nauka, 1996, 448 p.

Shindin B. A. Raznyya stikhi i psal'my. Rukopis' sobraniya M. N. Tikhomirova Gosudarstvennoy publichnoy nauchno-tekhnicheskoy biblioteki Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk [Miscellaneous verses and psalms. Manuscript of the M. N. Tikhomirov collection of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Problemy musical'noy nauki / Music Scholarship*. 2015, no. 1 (18), pp. 74–79.

Информация об авторе

Татьяна Генриховна Казанцева, кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук; профессор, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID ABA-4084-2020

Information about the author

Tatyana G. Kazantseva, Candidate of Art History, Associate Professor, Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka (Novosibirsk, Russian Federation)

WoS Researcher ID ABA-4084-2020

Статья поступила в редакцию 13.06.2023;

одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 27.09.2023

The article was submitted on 13.06.2023;

approved after reviewing on 27.09.2023; accepted for publication on 27.09.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1